

УДК 811.511.131

DOI: 10.15350/26191490.2022.1.11

Л. М. Ившин

НАЗВАНИЯ МЕСЯЦЕВ В ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКАХ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА XVIII в.

Названия традиционных удмуртских месяцев в XVIII в. нашли отражение лишь в одном письменном памятнике – рукописном удмуртско-русском словаре З. Кротова 1785 г. В нем зафиксированы двенадцать наименований для обозначения одиннадцати месяцев: без номинации остался ‘сентябрь’, а для ‘января’ автором приведено два названия. Встречающиеся в литературе упоминания о календарных месяцах удмуртов весьма фрагментарны и отрывочны: многие ученые-исследователи ограничиваются только перечислением или дают минимальные сведения, касающиеся вопроса их образования. В удмуртском языке, как и в большинстве других, названия месяцев являются сложными образованиями, а определяющее слово *толэзь* имеет два значения – ‘луна’ и ‘месяц’, которое восходит к допермскому пласту лексики. Анализ названий традиционных месяцев удмуртов, отмеченных в лексикографическом труде З. Кротова, показывает, что мотивационными признаками их номинации являются погодные условия, календарные праздники и обычаи, а также хозяйственная деятельность народа.

Ключевые слова: удмуртский язык, письменный памятник, рукописный словарь, времяисчисление, названия месяцев, традиционный календарь.

Введение

Изучение названий месяцев у разных народов, их эволюция являются весьма важной культурологической проблемой, лежащей на стыке нескольких дисциплин – лингвистики, этнографии и фольклористики, истории и хронологии и др. Исследование данной лексической группы позволяет постигать не только бытовой уклад, сезонные занятия, праздничную культуру народа, но и его мировоззрение и образное мышление.

В удмуртском языке, как и в близкородственном коми [Цыпанов, 2019, с. 50], издавна укоренились и в течение долгого времени официально употребляются интернациональные названия месяцев, заимствованные через русский язык. Так, в удмуртско-русском словаре, опубликованном в 1948 г. [УРС, 1948], мы не встретим ни одного традиционного удмуртского наименования месяца. Однако, наряду с официальными названиями,

всегда существовали народные варианты данной лексики, основанные на религиозных или мифологических познаниях, разработанные в зависимости от погодных условий или сельскохозяйственных работ, от которых напрямую зависела жизнь человека.

Изученность проблемы, методы

Номинация месяцев у удмуртов неоднократно была объектом изучения лингвистов и этнографов. В 1886 г. впервые о разделении года на 12 времен, соответствующих 12 месяцам христианского летоисчисления, а также о начале нового года у удмуртов с марта месяца пишет Г. Е. Верещагин [Верещагин, 1995, с. 196–197], в его работе нашли отражение все двенадцать названий удмуртских месяцев. Различные диалектные наименования исследуемой лексики, встречающиеся в источниках XIX–XXI вв., приводятся в статьях В. К. Кельмакова

[Кельмаков, 1970, с. 55–57; 1983, с. 54–55; 2011, с. 46–56; 2012, с. 83–92] и А. Н. Уварова [Уваров, 1986, с. 63], а также включены в некоторые этнографические и фольклорные труды [Владыкин, Христолюбова, 1991, с. 92; Христолюбова, 1995, с. 37; Владыкина, Глухова, 2011, с. 128–129]. Тем не менее, многие ученые-исследователи ограничиваются только перечислением традиционных удмуртских месяцев или дают минимальные сведения, касающиеся вопроса их образования. При написании данной работы автор опирался на описательный, сравнительно-исторический, сопоставительный и структурный методы лингвистического анализа.

Цель

В данной статье мы остановимся на удмуртских названиях месяцев, которые были отмечены в самых ранних письменных документах по удмуртскому языку. Из 12 известных на сегодняшний день письменных памятников XVIII в., имеющих в распоряжении автора исследования, 11 удмуртских названий месяцев (кроме сентября) нашли отражение лишь в одном, а именно в вотско-русском (= удмуртско-русском) словаре З. Кротова [Кротовъ, 1785]. Необходимо отметить, что этот документ – самый объемный из сохранившихся ранних лексикографических работ (более 5000 слов и выражений) – является одним из интереснейших источников для изучения лексического состава удмуртского языка исследуемого периода.

Результаты

В удмуртском языке, как и в большинстве других, названия месяцев являются сложными образованиями, а определяющее слово *толэзь* имеет два значения ‘луна’ и ‘месяц’. Прежде чем рассмотреть вопрос номинации удмуртских месяцев, считаем необходимым остановиться на анализе лексемы *толэзь*, которая нашла отражение практически во всех письменных документах XVIII столетия:

1726 (Д. Г. Мессершмидт): *Taulisch* ‘Luna [луна]’ (Напольских, 2001, с. 47);

1759: *Tolês, nill-árnâ* ‘Мѣсяць’ [Miller 1758–1759, с. 384–386];

1768 (Й. Э. Фишер): *tolês* ‘mensis [месяц]’ [Csúcs, 1983, с. 319];

1775: *Толэзь* ‘луна, мѣсяць’ [Сочинения, 1775, с. 13];

1785: *толызь* ‘луна, мѣсяць’ [Кротовъ, 1785, с. 220];

1786: *толызь* ‘луна’ [Опыт, 1780, с. 39] (последние исследования показали, что «Краткой отяцкия

Грамматики опытъ» был составлен М. Мышкиным, а не М. Могилиным, как считалось ранее [Чураков, 2016, с. 194]);

1787–1789 (П. С. Паллас): *Толэзь, тулызь* ‘Месяць’ [Тепляшина, 1965, с. 90];

1791: *Толэзь, нилль арне* ‘Мѣсяць’ [Миллер, 2005, с. 82–83].

Для представления более полной истории фиксации этой лексемы в удмуртском языке приведем данные из некоторых источников XIX–XXI вв.:

1847: *толэзь* ‘мѣсяць’ [Азбука Сар., 1847, с. 11];

1867: *толысь* ‘мѣсяць’ [Блиновъ, 1867, с. 20];

1880: *tolez', tolyz'* ‘Mond, Monat’ [Wiedemann, 1880, с. 536];

1890-е: *tolez' G B J MU U, toliz' G, toled'z' M, ṭuez' J MU* ‘Mond; Monat.’ [Wichmann, 1987, с. 265];

1896: *tolež* (Sar. Mal.), *Glaz. Jel. Kaz. tolež, tolez'* 1. hold | mond 2. hó, hónap | monat [Munkácsi, 1896, с. 364–365];

1932: *толэзь* ‘месяц, луна’ [Борисов, 1932, с. 283];

1948: *толэзь* ‘луна; месяц’ [УРС, 1948, с. 291].

Как видим, в большинстве памятников письменности XVIII столетия лексема *толэзь* имеет два значения – ‘луна’ и ‘мѣсяць’, и лишь в некоторых она обозначает только астрологическое понятие ‘Луна’.

По происхождению слово *толэзь*, как отмечают исследователи, восходит к общепермской (или допермской лексике): удм. *толэзь* ‘луна, месяц’; кз. *тӧлысь* ‘тж’; кя. *tõlis'* ‘тж’ < общеп. **tõgis'* ‘луна, месяц’ [КЭСК, 1970, с. 283]. Мы также придерживаемся их мнения, но с условием включения в этот этимологический ряд и коми-пермяцкого *тӧлись* ‘луна; уст. месяц’ [КПРС, 1985, с. 485]. Марийские формы *тылзе, тылче* и *тылыз'е* ‘луна; месяц’, как считают некоторые ученые, являются заимствованиями из удмуртского языка [Вершинин, 2015, с. 201; Тараканов, Кондратьева, 2019, с. 157].

Теперь вернемся непосредственно к традиционным удмуртским названиям месяцев, зафиксированным в рукописном словаре З. Кротова 1785 г. Как отметили выше, в лексикографическом труде нами выявлено 12 наименований, обозначающих 11 месяцев. В нашем исследовании они приводятся в алфавитном порядке.

Арӧнь-толызь ‘Августъ мѣсяць’ [Кротовъ, 1785, с. 5] (*аран* < *араны* ‘жать’ + *толэзь* ‘месяц’) буквально означает ‘месяц жатвы’ и напрямую связан с самой страдной порой сельскохозяйственных работ, когда приходит время уборки хлеба. В письменных источниках более позднего периода

это понятие встречается в следующих вариантах: *aran-t[olez]* ‘August’ [Wiedemann, 1880, с. 536]; 1886: *cüзыл* ‘осень’ [Верещагин 1995, с. 196]; *aran tolez* (Wied.) ‘augusztus | august’ [Munkácsi, 1896, с. 365]; *гудырикошкон, август* ‘август’ [Борисов, 1932, с. 78]; *сйзыл, гудырикошкон, вильжуктолэзь* ‘август’ [Христюкова, 1995, с. 37]; *гудырикошкон/сйзыл/жэг кизён/виль жуктолэзь* ‘август’ [Владыкина, Глухова, 2011, с. 129]. Названия *гудырикошкон, гудырикошкон толэзь* ‘август’ закрепились в современном удмуртском литературном языке [УРС, 2008, с. 170]. Наименование *сйзыл* ‘осень’ связано с наступлением осенней прохлады, *гудырикошкон* (досл. ‘уход грома’) – последними редкими громами, *вильжуктолэзь* (досл. ‘месяц новой каши’) – уборкой нового урожая зерновых и приготовлением каши из свежемолотой крупы, *жэг кизён* (досл. ‘сеяние ржи’) может быть объяснено тем, что в это время начиналось сеяние озимой ржи.

В коми языке для обозначения данного месяца также сохранилось древнее название – *моз* [РКС, 2003, с. 12], которое дословно переводится ‘наст, ледяная корочка на снежном покрове’ [КРС, 2000, с. 393].

Вожо толэзь ‘м’сяць июнь’ [Кротов, 1785, с. 26] (*вожо* ‘миф. божество страха и приведений’ [УРС, 2008, с. 128]; ‘злые духи переходного времени’ [Владыкина, Глухова, 2011, с. 33] + *толэзь* ‘месяц’) дословно переводится ‘месяц вожо; месяц божества страха и приведений, месяц злых духов’, когда во время летнего солнцестояния злые божества удмуртов могут рассердиться и ниспослать град среди лета [Кельмаков, 2011, с. 52]; они чаще невидимы, эволюционно предстают как маленькие, лохматые, черные существа, показывающиеся людям только в определенных ситуациях; опасны для человека, не выполняющего предписания и табу зимнего и летнего солнцестояния; наказывают тех, кто оскверняет воду купанием или стиркой в полдень, посещает баню после полуночи [Владыкина, Глухова, 2011, с. 33]. В работе Г. Е. Верещагина [1995, с. 47] этой лексеме дается отрицательный образ: Вожо – бог страха и привидений. Однако у самого З. Кротова слово *вожо* приводится с нейтральным значением – ‘цвѣтущихъ нивъ время’ [Кротов, 1785, с. 26], далее эта лексема встречается у Ф. Видеманна: *vožo* ‘Zeit der Roggenblüthe (= время цветения ржи. – Л. И.)’ [Wiedemann, 1880, с. 555]. В письменных документах XIX–XXI вв. зафиксированы следующие формы, означающие месяц июнь: *vožo-t[olez]* ‘Juni’ [Wiedemann, 1880,

с. 536]; *vožo tolez* (Wied.) ‘júnus | juni’ [Munkácsi 1896, с. 365]; *инвожотолэзь* ‘июнь’ [Борисов, 1932, с. 115]; *инвожо/вожотолэзь/лектолэзь* ‘июнь’ [Владыкина, Глухова, 2011, с. 129]. Из всех древних наименований этого месяца *инвожо* и *инвожотолэзь* закрепились в современном удмуртском литературном языке [УРС, 2008, с. 251]. Названия *инвожо* (досл. ‘небесный переход; небесные Святки’ [Владыкина, Глухова, 2011, с. 67]), *лектолэзь* (досл. ‘злой месяц’) связаны с днями летнего солнцестояния, когда главенствуют высшие небесные силы, могущие наслать на людей грозы и бури с градом.

В коми-зырянском языке июню соответствует название *лӧддза-номъя* [РКС, 2003, с. 320], буквально обозначающее ‘[месяц] с жалящими насекомыми’ [КРС, 2000, с. 355].

Виль джукъ толэзь ‘октябрь м’сяць’ [Кротов, 1785, с. 38] (*виль* ‘новый’ + *джук* ‘каша’ + *толэзь* ‘месяц’) буквально переводится ‘месяц новой каши’. В это время в честь окончания полевых работ удмурты проводят различные праздники, моления, варят кашу из крупы нового помола, просят хорошего урожая для следующего года и поминают умерших. Письменные источники XIX–XXI вв. фиксируют следующие названия: *vil'-džuk-t[olez]* ‘Oktober’ [Wiedemann, 1880, с. 536]; 1890-е: *pukrou-t'uez', pukru-t'uez'* MU ‘Oktober’ [Wichmann, 1987, с. 265]; Uf. *pukro-tolez'*; *vil' žuk-t.* (Wied.) ‘október | oktober’ [Munkácsi, 1896, с. 365]; *коньывуон* ‘октябрь’ [Борисов, 1932, с. 137]; *коньывуон, пукротолэзь* ‘октябрь’ [Христюкова, 1995, с. 37]; *виль джук/коньывуон/пукротолэзь* ‘октябрь’ [Владыкина, Глухова, 2011, с. 129]. В современном удмуртском литературном языке для обозначения этого месяца закрепились *коньывуон* и *коньывуон толэзь* [УРС, 2008, с. 370], которые дословно означают ‘месяц прихода белки; месяц готовности шкурки белки для охоты’. Название *пукротолэзь* (букв. ‘месяц Покрова’) связано с окончанием полевых работ и христианским праздником Покрова дня, символизирующим встречу осени с зимой, когда начинаются вечерние девичьи посиделки и осенний свадебный сезон.

В близкородственном коми-зырянском языке октябрю соответствует слово *йирым* [КРС, 2000, с. 244; РКС, 2003, с. 550], возможно, имеет что-то общее с лексемой *йир* ‘пронизывающий, резкий, холодный (о ветре)’ [СДКЯ, 2012, с. 603].

Инма толэзь ‘декабрь м’сяць’ [Кротов, 1785, с. 69] (*инма* ‘букв. небесное божество’ + *толэзь* ‘месяц’) дословно переводится как ‘месяц небесной

земли». По мнению одних исследователей понятие «инма» стало основой для представления неба как божества, откуда произошла номинация верховного бога удмуртов – Инмара, ведающего поднебесной сферой [Владыкина, Глухова, 2011, с. 69], другие считают, что представления об Имме/Инме формировались параллельно с воззрениями о главном небесном боге Инмаре [Шутова, 2002, с. 234]. В письменных источниках более позднего периода зафиксированы следующие названия декабря: *in-mar-t[olez]* ‘December’ [Wiedemann 1880, с. 536]; 1890-е: *in'mar-t'uez'* MU ‘Dezember’ [Wichmann, 1987, с. 265]; *Kaz. narduyan-tolez'*, Uf. *Menz'elä-tolez'*; *inmar-t.* (Wied.) ‘december | december’ [Munkácsi, 1896, с. 365]; *толсур, толсур толэзь, декабр* ‘декабрь’ [Борисов 1932, с. 283]; *толсур, толмон* ‘декабрь’ [Христолюбова, 1995, с. 37]; *толсур/толмон/толзон* ‘декабрь’ [Владыкина, Глухова, 2011, с. 129]. Наименование декабря *инмартолэзь* (букв. ‘месяц Инмара’) связано с языческим праздником зимнего солнцестояния, *нардугантолэзь* (букв. ‘месяц осенне-зимних игрищ молодежи’ [Владыкина, Глухова, 2011, с. 94]), первая часть которого – *нардуган* ‘праздник солнцестояния, зимний праздник перед рождеством’ – заимствовано из татарского языка [Munkácsi, 1896, с. 511; Тараканов, 1993, с. 102] также может быть объяснено празднованием зимних святок. Название *мензелятолэзь* (*Menz'elä-tolez'* ‘a menzelinszki vásár hava’ [Munkácsi, 1896, с. 365]) (букв. месяц мензелинской ярмарки) обусловлено проводимой в г. Мензелинске рождественской ярмаркой, которая отличалась обилием и разнообразием товаров, большим товарооборотом, многочисленностью купцов и покупателей [Габдрафикова, 2018, с. 129]. Названия *толсур, толсур толэзь* ‘декабрь’ закрепились в современном удмуртском литературном языке [УРС, 2008, с. 647], которые буквально означают ‘зимний праздник, зимнее пиво; месяц зимнего праздника, месяц зимнего пива’. Номинация *толсур* в значении ‘зимний праздник’ первично связано с календарной обрядностью удмуртов, а со времени принятия христианства получило приуроченность к определенной дате – Рождеству.

В коми-зырянском языке декабрю соответствует лексема *õшым* [КРС, 2000, с. 473; РКС, 2003, с. 184], которая дословно переводится ‘потрескивание в стене во время мороза’ [СДКЯ, 2014, с. 17].

Йёкынто́нь толы́зь ‘ноябрь мѣсяць’ [Кротовъ, 1785, с. 70] (*йё* ‘лед, ледяной’ + *кынто́н* < *кынтыны* ‘заморозить; отморозить; остудить’ + *толэзь*

‘месяц’) дословно означает ‘месяц ледостава’. В этот период женщины занимаются рукоделием, для мужчин же наступает истинное время охоты. В письменных источниках XIX–XXI вв. зафиксированы и другие названия ноября: *jekynton-t[olez]* ‘November’ [Wiedemann, 1880, 536]; 1890-е: *pöj-t'uez'*, *šudon-t'uez'* MU ‘November’ [Wichmann, 1987, с. 265]; *jo-kinton-tolez'* (Wied.) ‘november | november’ [Munkácsi, 1896, с. 365]; *шуркынмон, ноябр* ‘ноябрь’ [Борисов, 1932, с. 352]; *шуркынмон, коньывуон* ‘ноябрь’ [Христолюбова, 1995, с. 37]; *коньывуон/шуркынмон/йёкынто́н* ‘ноябрь’ [Владыкина, Глухова, 2011, с. 129]. Название *пёйтолэзь*, как нам кажется, состоит из сокращенного слова *пёй* < *пёйшуран* ‘занятие охотой, охота’ и *толэзь* ‘месяц’ (букв. ‘месяц охоты’), номинация *шудонтолэзь* (букв. ‘месяц игр’) связана, как отмечает Ю. Вихманн [Wichmann, 1987, с. 250], с проводами осени и встречей зимы, когда молодежь проводит различные игры в новом доме перед новосельем; *шуркынмон* (букв. ‘замерзание реки’) может быть объяснено временем ледостава на реках. В современном удмуртском литературном языке упрочились наименования *шуркынмон* и *шуркынмон толэзь* ‘ноябрь’ [УРС, 2008, с. 784], которые дословно обозначают ‘замерзание рек, месяц замерзания рек’.

В коми-зырянском языке для обозначения ноября употребляется древнее название *вольгым* [РКС, 2003, с. 517], которое имеет значение ‘ноябрь’ [КРС, 2000, с. 117], а в диалектах бытуют близкие по значению к удмуртскому названию *йёкынто́н* формы *йи кутан* ‘покрытие льдом’ и *йи кынтан* ‘ледостав’ [Кельмаков, 2011, с. 55].

Кысь толы́зь ‘апрѣль мѣсяць’ [Кротовъ, 1785, с. 115] (*кысь* < *кызыну* ‘береза’ + *толэзь* ‘месяц’) дословно переводится ‘месяц березы, месяц березового сока’. В это время наступает празднование Великого дня (Пасхи): запрещалось проводить любые работы, на стол стелили белую скатерть, клали специально испеченный каравай, ставили солонку с солью и крашеные яйца, которыми угощали друг друга, обменивались и играли, катая их. Не случайно, видимо, в письменных памятниках более позднего периода зафиксированы наименования этого месяца, в том числе, обозначающие ‘месяц Великого дня; месяц Пасхи’: *kyz'-t[olez]* ‘April’ [Wiedemann, 1880, с. 536]; 1890-е: *šui-tjron-t'uez'*, *šuičdran-t'uez'*, *vui-koškon-t'uez'* MU ‘April’ [Wichmann, 1987, с. 185, 265]; Sar. *oš tolež*, Jel. *juž-tolez'*, Uf. *badžan nunal tolez'*; **kaz'-t[olez]* (Wied.)

‘*aprilis* | *april*’ [Munkácsi, 1896, с. 365]; 1925: *нъя-лет’изэ толэзь* ‘апрель’ [Верещагин, 2020, с. 29]; *оштолэзь*, *оштолызь* ср., *апрель* св. ‘апрель’ [Борисов, 1932, с. 210]; *оштолэзь*, *кызыпутолэзь* ‘апрель’ [Христолюбова, 1995, с. 37; Владыкина, Глухова, 2011, с. 129]. Из всех этих древних традиционных названий в современном удмуртском литературном языке предложено использовать *оштолэзь* ‘апрель’ [УРС, 2008, с. 501], которое буквально переводится ‘месяц быка’. Одни исследователи объясняют это наименование тем, что в апрельские дни начинается таяние снега, и из лужи может напиться даже бык [Кельмаков, 2011, с. 51]; другие считают, что название *оштолэзь* обозначает ‘месяц медведя’ (кз. *ош* ‘медведь’ < праперм. **oš(k-)* ‘медведь’) и имеет вполне внятную мотивацию, означая первоначально период, когда медведь покидает берлогу [Напольских, 2015, с. 529–530]. Нам оба варианта кажутся народной этимологией (возможно, в различных диалектах), поскольку ни в одном из письменных источников удмуртского языка не выявлено названия, связанного с пробуждением медведя – будь то *гондыр султон толэзь* или *гондыр сайкан толэзь*. Название *шутыронтолэзь* (букв. ‘месяц закладки калины’), возможно, обусловлено тем, что собранная калина в это время уже тает, и ее необходимо убрать в холодное место для дальнейшего сохранения; наименования *шулдрантолэзь* (‘букв. месяц рева воды’ [Wichmann, 1987, с. 252]) и *вукошконтолэзь* (букв. ‘месяц ухода воды’) определяются, как нам кажется, журчанием весенних вод при таянии снега; в основу номинации *быдэын нунал толэзь* (букв. ‘месяц великого дня; месяц Пасхи’) легло празднование Пасхи; *нылетйез толэзь* (букв. ‘четвертый месяц’) является более поздним образованием и мотивируется местом этого месяца в году по Григорианскому календарю.

В близкородственном коми-зырянском языке для обозначения месяца апрель сохранилось древнее название *кос му* [РКС, 2003, с. 21], которое имеет значение ‘апрель (букв. сухая земля)’ [КРС, 2000, с. 289].

Оштолысь ‘мартъ мѣсяць’ [Кротовъ, 1785, с. 160] (*ош* ‘бык’ + *толэзь* ‘месяц’) буквально означает ‘месяц быка’. С одной стороны, можно предположить, что автором словаря допущено ошибочное написание названия марта – *южтолэзь*, возможно, из-за близости по звучанию, с другой – в конце марта и начале апреля на дорогах появляется вода, достаточная, чтобы напиться быку

(*оштолэзь*) [Кельмаков, 2011, с. 50]. В письменных источниках XIX–XXI вв. можно встретить и другие наименования: *ош-т[олэз]* ‘*März*’ [Wiedemann, 1880, с. 536]; 1886: *куака толэзь* ‘вороний месяц; март’ [Верещагин, 1995, с. 196]; 1890-е: *ош-тоlez’, ош-тꙋez’* MU ‘*März*’ [Wichmann, 1987, с. 185]; Jel. Sar. *kwaka tolez’, Uf. voj tolez’, Kaz. vüj tolez’* ‘*marcziús* | *märz*’ [Munkácsi, 1896, с. 365]; *куака толэзь* юж., *квака толэзь* ср. ‘март’ [Борисов, 1932, с. 145]; *куакатолэзь*, *южтолэзь* ‘март’ [Христолюбова, 1995, с. 37]. Наименование *вöйтолэзь* (букв. ‘месяц Масленицы’) связано с празднованием окончания зимы и наступления весны – Масленицы, а *куакатолэзь* (букв. ‘вороний месяц’) можно объяснить тем, что растаявшего снега хватает, чтобы утолить жажду вороне. Название *южтолэзь* (букв. ‘месяц наста’) возможно интерпретировать тем, что в это время года снег по ночам схватывается настом. Последнее из перечисленных наименований в качестве обозначения марта укоренилось в современном удмуртском литературном языке [УРС, 2008, с. 812].

В родственном коми-зырянском языке для обозначения марта бытует древнее название *рака толэзь* [РКС, 2003, с. 416], которое дословно переводится ‘вороний месяц’ [КРС, 2002, с. 553].

Серà толэзь ‘генварь мѣсяць’ [Кротовъ, 1785, с. 194] (*сера* ‘? узорный, с узорами’ + *толэзь* ‘месяц’) дословно может обозначать ‘узорчатый месяц, месяц с узорами’. В удмуртском языкознании нет никакого объяснения этому наименованию. В близкородственных пермских языках до сегодняшнего дня сохраняется похожая лексема: кз. *сера* ‘узорчатый, орнаментированный’ [КРС, 2000, с. 577], кп. *сера* ‘узорный, узорчатый’ [КПРС, 1985, с. 422], которая предположительно утеряна в современном удмуртском языке. Такое объяснение названия января можно обосновать тем, что в самый морозный месяц года деревья часто покрываются инеем, а на стекле создаются различные причудливые узоры.

Толь шоръ толэзь ‘генварь мѣсяць’ [Кротовъ, 1785, с. 219] (*тол* ‘зима, зимний’ + *шор* ‘середина, средний; центральный’ + *толэзь* ‘месяц’) буквально переводится ‘месяц середины зимы’. В более поздних источниках встречаются и другие названия января: *сера-т[олэз]*, *толмар-т[олэз]* ‘*Januar*’ [Wiedemann, 1880, с. 536]; 1890-е: *сера-тꙋez’* MU ‘*Januar*’ [Wichmann, 1987, с. 265]; Jel. vil’ ar tolez’, Kaz. kez’et tolez’, **tolmar-t[олэз]* (Wied.) ‘*január* | *jänner*’ [Munkácsi, 1896, с. 364–365]; *толишор*, *виль ар толэзь* юж., *январ* ‘январь’ [Борисов, 1932, с. 283].

Интересной и в то же время непонятной лексемой, которой обозначил этот месяц Ф. Й. Видеманн, представляется *толмар толэзь*. Исследователи считают, что первая часть понятия связана со словом *тол* ‘зима’ [Кельмаков, 2011, с. 49]. Название *кезьыт толэзь* (букв. ‘холодный месяц, морозный месяц’) легко объяснимо тем, что январь в наших широтах считается самым холодным месяцем года. Наименование *выль ар толэзь* (букв. ‘месяц нового года, новогодний месяц’), скорее всего, является самым поздним образованием, поскольку до 1700 г. Новый год у удмуртов начинался с первого весеннего месяца – марта [Верещагин, 1995, с. 196]. Из перечисленных здесь названий в современном удмуртском литературном языке закрепилось *толишор, толишор толэзь* [УРС, 2008, с. 647].

В коми-зырянском языке январю соответствует древнее название *тöв шöр* [РКС, 2003, с. 1101], которое дословно переводится ‘середина зимы’ [КРС, 2000, с. 646], как и в удмуртском языке.

Толызь квака ‘февраль мёсяць’ [Кротовъ, 1785, с. 220] (*толэзь* ‘месяц’ + *куака* ‘ворона’) дословно переводится ‘месяц вороны, вороний месяц’. Как уже отметили выше, многие удмурты этим словосочетанием называли в том числе месяц март, например, в толковом словаре Т. Борисова *куака толэзь* юж., *квакатолэзь* ср. переведено как ‘март’ [Борисов, 1932, с. 145]. Это связано, по всей вероятности, с переходом со старого стиля летоисчисления (Юлианского) на новый (Григорианский) в России в 1918 г., когда произошло смещение времени вперед на 13 суток. Таким образом, в настоящее время начало марта месяца, когда из растаявшего снега появляются маленькие лужи, достаточные, чтобы напиться вороне, по старому летоисчислению совпадает с серединой февраля. В письменных источниках XIX–XXI вв. отмечены следующие формы, обозначающие месяц февраль: *kvaka-t[olez’]* ‘Februar’ [Wiedemann, 1880, с. 536]; 1890-е: *kuaka-t’uez’* MU ‘Februar’ [Wichmann, 1987, с. 265]; Jel. *s’era-tolez’* ‘február | feber’ [Munkácsi, 1896, с. 365]; *тулыспал, кионсюан* ‘февраль’ [Христолюбова, 1995, с. 37]. Название *тулыспал* (букв. ‘весенняя пора, время к весне’) может быть объяснено тем, что со второй половины февраля начинаются оттепели. Наименование *кионсюан* (букв. ‘волчья свадьба’) говорит о том, что в это время у волков начинаются брачные игры. Из всех этих традиционных удмуртских обозначений февраля в современном литературном языке закрепилось название *тулыспал* [УРС, 2008, с. 660].

В коми-зырянском языке февраль называют *урасьöм* [РКС, 2003, с. 1022], которое имеет значение ‘охота на белок’, однако видный коми лингвист Е. А. Цыпанов оспаривает это положение и предлагает иное прочтение древнего слова – *вурасьöм* ‘месяц шитья’ [Цыпанов, 2019, с. 51].

Тунанъ толызь ‘июль, мёсяць’ [Кротовъ, 1785, с. 222] (*тунан* < *тунаны* ‘гадать, ворожить’ + *толэзь* ‘месяц’) буквально означает ‘месяц гадания’. По всей вероятности, автор словаря допустил ошибку, написав *тунан* вместо *турнан*, поскольку в письменных источниках, составленных в более поздний период, ни в одном месяце июль в приведенном З. Кротовым виде не зафиксирован: *turnan-t[olez’]* ‘Juli’ [Wiedemann, 1880, с. 536]; Jel. Uf. *pes’-tolez’*; *turnan t[olez’]* (Wied.) ‘július | juli’ [Munkácsi, 1896, с. 365]; *пöсьтолэзь, июль* ‘июль’ [Борисов, 1932, с. 230]; *сйзьылпал, кöстолэзь, пöсьтолэзь, турнан-толэзь* ‘июль’ [Христолюбова, 1995, с. 37]. В июле приходит пора сенокоса – *турнантолэзь* (букв. ‘сенокосный месяц’), июль – это самый жаркий и в основном сухой месяц года – *пöсьтолэзь* (букв. ‘жаркий месяц’), *кöстолэзь* (букв. ‘сухой месяц’), во второй половине июля жара уже сменяется прохладой, особенно в ночное время – *сйзьылпал* (букв. ‘осенняя пора, время к осени’). Из всех этих древних традиционных названий в современном удмуртском литературном языке закрепилась форма *пöсьтолэзь* [УРС, 2008, с. 546].

В коми-зырянском языке июлю соответствует древнее название *сора тöлысь* [РКС, 2003, с. 320], что дословно обозначает ‘смешанный месяц’ [КРС, 2000, с. 599].

Турынъ потонъ толызь ‘май мёсяць’ [Кротовъ, 1785, с. 224] (*турын* ‘травяной, травяной; сено, сенной’ + *потон* < *потыны* ‘выйти, вырасти, взойти’ + *толэзь* ‘месяц’) дословно переводится ‘месяц всхода травы’. В письменных источниках более позднего времени встречаются и другие названия: *turun-poton-t[olez’]* ‘Mai’ [Wiedemann, 1880, с. 536]; 1890-е: *giron-t’uez’*, *giron-poton-t’uez’*, *njl-d’uan-t[t’uez’]*, *njl-juan-t’uez’* MU ‘Mai’ [Wichmann, 1987, с. 265]; Jel. *gož-tolez’*, Kaz. *gèrën’ poton tolez’*; *tur’in poton tolez’* (Wied.) ‘május | mai’ [Munkácsi, 1896, с. 365]; *куартолэзь, май* ‘май’ [Борисов, 1932, с. 146]; *тулыс, куартолэзь, гуждортолэзь* ‘май’ [Христолюбова, 1995, с. 37]. В это время года все растения начинают просыпаться – *тулыс* (букв. ‘весна’), лужайки покрываются нежной зеленой травой – *турын потон толэзь* (букв. ‘месяц всхода травы’), *гуждортолэзь* (букв. ‘месяц зеленой

травы, месяц лужаек с зеленой травой'); деревья и кустарники покрываются листьями – *куартолэзь* (букв. 'листовой месяц, месяц листьев'); приходит пора вспашки полей – *гырон толэзь* (букв. 'месяц вспашки'), *гырон потон толэзь* (букв. 'месяц начала вспашки'). Из всех перечисленных наименований в современном удмуртском литературном языке закрепилось название *куартолэзь* [УРС, 2008, с. 338].

В близкородственном коми-зырянском языке для обозначения мая используется древнее название *ода кора тӧлысь* [PKC, 2003, с. 410], которое дословно переводится 'месяц восходов и листьев' [KPC, 2000, с. 449].

3. Кротовым никак не обозначен сентябрь месяц. В просмотренных нами письменных памятниках он впервые встречается в этнографическом исследовании Г. Е. Верещагина (1886: *куар усён* [Верещагин, 1995, с. 196]), словарях удмуртского языка конца XIX столетия Ю. Вихманна (1890-е: *n'imtem-tolez', n'imtem-t'uez'* MU 'September' [Wichmann, 1987, с. 265]) и Б. Мункачи (*Jel. siz'il-tolez', Uf. kuro tolez' 'szeptember | september'* [Munkácsi, 1896, с. 365]). В более поздних источниках отмечаются и другие названия этого месяца: *куар усён, сентябрь* 'сентябрь' [Борисов, 1932, с. 252]; *куарусён, юпыртон* 'сентябрь' [Христюкова, 1995, с. 37]. Этот период года отличается тем, что наступает осень, начинают желтеть и опадать листья – *куар усён* (букв. 'опадание листьев (листвы)'), *нимтэм толэзь* (букв. 'безымянный месяц'), *сӥзьылтолэзь* (букв. 'осенний месяц'); заканчивается уборка зерновых – *юпыртон* (букв. 'уборка зерна'), и крестьяне занимаются заготовкой соломы – *куро толэзь* (букв. 'месяц соломы'). Из перечисленных номинаций в современном удмуртском литературном языке для обозначения сентября используются наименования *куарусён* и *куарусён толэзь* [УРС, 2008, с. 339].

В близкородственном коми-зырянском языке для определения сентября используется древнее

кӧч, которое обозначает '1. заяц || заячий 2. зайчик (отблеск солнца на стене) 3. сентябрь' [KPC, 2000, с. 304], а также 'промерзшее заиндевшее место на стене' [СДКЯ, 2012, с. 743].

Выводы

Таким образом, номинация традиционных удмуртских месяцев в XVIII столетии приводится только в рукописном удмуртско-русском словаре З. Кротова. Мы рассмотрели все 12 названий, которые были зафиксированы в нем для обозначения 11 месяцев. Как показывают материалы, без названия остался сентябрь, но в то же время для января автор приводит два наименования. Мотивационными признаками, лежащими в основе номинации удмуртских месяцев в лексикографическом труде З. Кротова являются:

1) явления природы (*іёкынтонъ толызь* 'ледостав', *серӧ толызь* 'узорный месяц' и *толь шоръ толызь* 'месяц середины зимы');

2) календарные праздники и обычаи (*вожо толызь* 'месяц святок', *выль джукъ толызь* 'месяц новой каши', *инмӧ толызь* 'месяц святок');

3) растения (*кысь толызь* 'месяц березы', *турынь потонъ толызь* 'месяц восхода травы');

4) животные (*оштолысь* 'месяц быка', *толызь квака* 'месяц вороны');

5) хозяйственная деятельность народа (*арӧнь толызь* 'месяц жатвы', *ту[р]нанъ толызь* 'месяц косьбы').

Важно отметить и то, что для обозначения двенадцати месяцев удмурты, как показывают письменные источники разных периодов, придумали более 50 названий, из которых большая часть связана с фенологическими наблюдениями времени года и сезонных явлений и особенностями ведения сельскохозяйственных работ и охотничьего промысла. Немалая доля наименований обусловлена различными праздниками и обрядами народного календаря.

Список сокращений

букв. – буквально, досл. – дословно, кз. – коми-зырянский язык, кп. – коми-пермяцкий язык, миф. – мифологическое, общеп. – общепермский язык-основа, праперм. – прапермский язык-основа, св. – северное наречие удмуртского языка, ср. – срединные говоры удмуртского языка, удм. – удмуртский язык, уст. – устаревшая форма, юж. – южное наречие удмуртского языка, В – бесермянский диалект (в материалах *Wichmann-a*), G – глазовский диалект (в материалах *Wichmann-a*), Glaz. – глазовский диалект (в материалах *Munkácsi*), J – елабужский диалект (в материалах *Wichmann-a*), Jel. – елабужский диалект (в материалах *Munkácsi*), Kaz. – казанский диалект (в материалах *Munkácsi*), M – малмыжский диалект (в материалах *Wichmann-a*), Mal. – малмыжский диалект (в материалах *Munkácsi*), MU – малмыжско-уржумский диалект (в материалах

Wichmann-a), Sar. – сарапульский диалект (в материалах *Munkácsi*), U – уржумский диалект (в материалах *Wichmann-a*), Uf. – уфимский диалект (в материалах *Munkácsi*), Wied. – Wiedemann F. J.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Азбука Сар., 1847 – Азбука составленная изъ Российскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія Вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ нарѣчій. (По Сарапульскому). Казань, 1847. 192 с.

Блиновъ, 1867 – Блиновъ Н. Лыдзонъ. Азбука для вотскихъ дѣтей. Вятка, 1867. 24 с.

Борисов, 1932 – Борисов Т. К. Удмурт кыллюкам: Удмуртско-русский толковый словарь. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1932. XXII. 374 с.

Верещагин, 1995 – Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1: Вотяки Сосновского края. / Отв. за выпуск Никитина Г. А.; Слово к читателю: Ванюшев В. М.; Послесловия: Ванюшев В. М., Никитина Г. А.; Предметно-тематический указатель: Ванюшев В. М.; Примечания: Ванюшев В. М., Владыкина Т. Г., Гришкина М. Г., Долганова Л. Н., Иванова М. Г., Никитина Г. А., Шушакова Г. Н; УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 1995. 260 с. (Памятники культуры).

Верещагин, 2020 – Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: В 6 т. / Под ред. В. М. Ванюшева. Т. 6. Кн. 4: Русско-вотский словарь [= Русско-удмуртский словарь] / Отв. за выпуск и авт. предисл. и комментарии Л. М. Ившин; УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Ижевск, 2020. 417 с. (Памятники культуры).

Вершинин, 2015 – Вершинин В. И. Этимологии удмуртских слов. Т. I. Йошкар-Ола, 2015. 255 с.

Владыкин, Христолюбова, 1991 – Владыкин В. Е., Христолюбова, Л. С. Этнография удмуртов: Учебное пособие. Ижевск: Удмуртия, 1991. 160 с.

Владыкина, Глухова, 2011 – Владыкина Т. Г., Глухова Г. А. Ар-год-берган: Обряды и праздники удмуртского календаря. Ижевск, 2011. 320 с.: илл. (Удмуртская обрядовая азбука).

Габдрафикова, 2018 – Габдрафикова Л. Р. Уездный город Мензелинск в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Историческая этнология. 2018. Т. 3. № 1. С. 126–136.

Кельмаков, 1970 – Кельмаков В. К. Вашкала толэзь нимъёс / В. К. Кельмаков // Молот. 1970. 2-й №. 55–57-й б.

Кельмаков, 2011 – Кельмаков В. К. Толшорысен толсурозь. Удмурт толэзь нимъёс сярысь // Кенеш. 2011. 11/12-й №. 46–56-й б.

Кельмаков, 2012 – Кельмаков В. К. Толэзьёслэн удмурт нимъёссы сярысь // Festschrift zum 65. Geburtstag von Lars-Gunnar Larsson. Сер. «Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica». Wiesbaden, 2012. С. 83–92.

Кротовъ, 1775 – Кротовъ З. Удмуртско-русский словарь / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. Ижевск, 1995 (= Краткой Вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ, 1785 года). XX. 208 с. (Памятники культуры Удмуртии: Лингвистическое наследие: Памятники удмуртской филологии I).

КПРС, 1985 – Коми-пермяцко-русский словарь: Ок. 27000 слов. М.: Русский язык, 1985. 624 с.

КРС, 2000 – Безноскова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Коми-роч кывчукӧр: 31000 кымын кыв. Сыктывкар: Коми небӧг лэдзанін, 2000. 816 л. б.

КЭСК, 1970 – Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка / АН СССР. Ин-т языкозн.; Коми филиал. М.: Наука, 1970. 386 с.

Миллер, 2005 – Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков... (репринт издания 1791) // Г. Ф. Миллер и изучение уральских языков: материалы круглого стола. Hamburg, 2005. С. 111–186.

Напольских, 2001 – Напольских В. В. Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта. Ижевск: Удмуртия, 2001. 224 с., илл.

Напольских, 2015 – Напольских В. В. Очерки по этнической истории. Казань, 2015. 647 с.

Опыт, 1780 – Могилинъ М. Краткой отяцкія Грамматики опытъ = Опыт краткой удмуртской грамматики / Отв. ред. Л. Е. Кириллова; Слово к читателям – Л. Е. Кирилловой; Предисл. К. И. Куликова; Прил. Т. И. Тепляшиной. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 203 с. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие). Комм.: с. 121–191; Прил.: с. 192–201.

РКС, 2003 – Безноси́кова Л. М., Забоева Н. К., Коснырева Р. И. Русско-коми словарь: Более 52000 слов / Инт-т яз., лит. и ист. Коми НЦ УрО РАН; под ред. Л. М. Безноси́ковой. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2003. 1104 с.

СДКЯ, 2012 – Словарь диалектов коми языка: В 2 т. Более 78000 слов. Т. 1 (А–О) / Безноси́кова Л. М. и др.; под ред. Л. М. Безноси́ковой; ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. Сыктывкар, 2012. 1096 с.

СДКЯ, 2014 – Словарь диалектов коми языка: В 2 т. Более 78000 слов. Т. 2 (Ӗ–Я) / Безноси́кова Л. М. и др.; под ред. Л. М. Безноси́ковой; ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. Сыктывкар, 2012. 888 с.

Сочинения, 1775 – Сочинения принадлежащая къ грамматикѣ вотскаго языка. Въ Санктпетербурге при Императорской Академіи наукъ 1775 года // Первая научная грамматика удмуртского языка / Удмуртский НИИ ист., экон., лит. и языка при Совете Министров Удм. АССР. Ижевск: Удмуртия, 1975. 113 с.

Тараканов, 1993 – Тараканов И. В. Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи Ижевск, 1993. 170 с.

Тараканов, Кондратьева, 2019 – Тараканов И. В., Кондратьева Н. В. Удмурт кылэн исторической лексикологиезъя ужпумъёс / Удмурт кун ун-т. Огъя но финн-угор кылтодонъя кафедра. Ижкар: «Удмурт университет» книга поттон центр, 2019. 280 б.

Тепляшина, 1965 – Тепляшина Т. И. Памятники удмуртской письменности XVIII века / АН СССР. Ин-т языкозн. М., 1965. Вып. 1. 324 с.

Уваров, 1986 – Уваров А. Н. Удмурт кылын календарьёс сярысь (О календарях на удмуртском языке) // Молот. 1986. № 1. С. 62–63.

УРС, 1948 – Удмуртско-русский словарь / НИИ ист., яз., лит. и фольклора при Сов. Мин. Удм. АССР; ред. Н. А. Дружкова. М.: ОГИЗ. ГИИНС, 1948. 447 с.

УРС, 2008 – Удмуртско-русский словарь: Ок. 50000 слов / РАН УрО. Удм. ин-т ИЯЛ; Сост. Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин, Л. Л. Карпова, Л. Е. Кириллова, О. В. Титова, А. А. Шибанов; Отв. редактор Л. Е. Кириллова. Ижевск, 2008. 925 с.

Христолюбова, 1995 – Христолюбова Л. С. Калык сямьёсты чакласа. Ижевск, 1995. 212 с.

Цыпанов, 2019 – Цыпанов А. Е. Значение древнекоми названий месяцев *урасьӧм* ‘февраль’ и *косму* ‘апрель’ // Финно-угроведение. Йошкар-Ола, 2019. № 60. С. 50–52.

Чураков, 2016 – Чураков В. В. Авторство, датировка и история рукописи «Краткой Отяцкой грамматики опыт» // Ежегодник финно-угорских исследований. Ижевск, 2016. № 3. С. 184–196.

Шутова, 2001 – Шутова Н. И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования. Ижевск, 2001. 304 с.

Csucs, 1983 – Csucs S. Egy 18. századi votják nyelvelvélék // NyK. 1983. № 2 (85). 311–320 old.

Miller, 1759 – Miller G. F. Sammlung russischer Geschichte. T. III. SPb, 1759.

Munkácsi, 1896 – Munkácsi B. A votják nyelv szótára. Budapest, 1896. XV. 758 l.

Wichmann, 1987 – Wichmann Y. Wotjakische Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjo Wihmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen (=Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXI). Helsinki, 1987. XXIII. 421 S.

Wiedemann, 1880 – Wiedemann F. J. Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutsches im Anhang und einem deutschen Register. St.-Petersburg, 1880. XIV. 692 S.

REFERENCES

Azbuka sostavlennaya iz Rossiiskih, tserkovnoj i grazhdanskoj pečati, bukv, dlya obucheniya Votskih detei chteniyu na ih narechii. (Po Sarapul'skomu) [*Spelling book compiled of Russian clerical and vulgar issues, books for the reading education of Votsky children on their dialect (In the Sarapul dialect)*]. Kazan, 1847. 192 p. (in Russian)

Blinov N. Lydzon. Azbuka dlya votskikh detei [*Reading. ABC for Votsky children*]. Vyatka, 1867. 24 p. (in Russian, in Udmurt)

Borisov T. K. Udmurt kylllyukam: Udmurtsko-russkii tolkovyi slovar' [*Udmurt Dictionary: Udmurt-Russian Explanatory Dictionary*]. Izhevsk: Udmurtgosizdat Publ., 1932. XXII. 374 p. (in Russian, in Udmurt)

Vereshchagin G. E. Sbranie sochinenii: V 6 t. T. 1: Votyaki Sosnovskogo kraia [*Collected works: in 6 volumes. Vol. 1: Votyaki of Sosnovsky region*] / Ed. by Nikitina G. A. / UIIYaL UrO RAN. Izhevsk, 1995. 260 p. (Pamyatniki kul'tury [*Monuments of culture*]). (in Russian)

Vereshchagin G. E. Sbranie sochinenii: V 6 t. [Collected works: in 6 volumes] / Ed. by V. M. Vanyushev. T. 6. Kn. 4: Russko-votskii slovar' [= Russko-udmurtskii slovar'] [Vol. 6. Book 4: Russian-Votsky Dictionary = Russian-Udmurt Dictionary] / Ed. by L. M. Ivshin; UIIYaL UdmFIC UrO RAN. Izhevsk, 2020. 417 p. (Pamyatniki kul'tury [Monuments of culture]). (in Russian)

Vershinin V. I. Etimologii udmurtskikh slov [Etymologies of Udmurt words]. Vol. I. Ioshkar-Ola, 2015. 255 p. (in Russian)

Vladykin V. E., Khristolyubova, L. S. Etnografiya udmurtov: Uchebnoe posobie [Ethnography of the Udmurts: Textbook]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 1991. 160 p. (in Russian)

Vladykina T. G., Glukhova G. A. Ar-god-bergan: Obryady i prazdniki udmurtskogo kalendarya [Ar-god-bergan: Rites and holidays of the Udmurt calendar]. Izhevsk, 2011. 320 p. (Udmurtskaya obryadovaya azbuka [Udmurt ritual alphabet]). (in Russian)

Gabdrafikova L. R. Uezdnyi gorod Menzelinsk v kontse XVIII – pervoi polovine XIX vv. [Menzelinsk town at the end of the XVIII – the first half of the XIX century]. In: Istoricheskaya etnologiya [Historical ethnology]. 2018. Vol. 3. No 1. Pp. 126–136. (in Russian)

Kel'makov V. K. Vashkala tolez' nimjos = Drevnie nazvaniya mesyatsev [Ancient names of the months]. In: Molot. 1970. No 2. Pp. 55–57. (in Udmurt)

Kel'makov V. K. Tolshorysen tolsuroz'. Udmurt tolez' nimjos syarys' = S yanvary po dekabr'. O nazvaniyakh udmurtskikh mesyatsev [From January to December. About the names of the Udmurt months]. In: Kenesh. 2011. No 11–12. Pp. 46–56. (in Udmurt)

Kel'makov V. K. Tolez'joslen udmurt nimjossy syarys' = Ob udmurtskikh nazvaniyakh mesyatsev [About the Udmurt names of the months]. In: Festschrift zum 65. Geburtstag von Lars-Gunnar Larsson. Ser. «Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica» [Festschrift for Lars-Gunnar Larsson's 65th birthday. Ser. "Publications of the Societas Uralo-Altaica"]. Wiesbaden, 2012. Pp. 83–92. (in Udmurt)

Krotov Z. Udmurtsko-russkij slovar' [Udmurt-Russian Dictionary] / RAN. UrO. Udm. in-t IYAL. Izhevsk, 1995 (= Kratkoj Votskoj slovar' s rossijskim perevodom sobrannyj i po Alfavitu raspolozhennyj sela Elovskago Troickoj cerkvi svyashchennikom Zahariyeu Krotovym, 1785 goda) [Concise Votsky Dictionary with the Russian translation collected arranged alphabetically in the village of Elovsky by the Trinity Church priest Zakhariya Krotov, 1785]. XX. 208 p. (Pamyatniki kul'tury Udmurtii: Lingvisticheskoe nasledie: Pamyatniki udmurtskoj filologii I) [Monuments of the culture of Udmurtia: Linguistic heritage: Monuments of Udmurt philology I]. (in Russian, in Udmurt)

Komi-permyatsko-russkij slovar': Ok. 27000 slov [Komi-Permyak-Russian dictionary: About 27000 words]. Moscow: Russkij yazyk Publ., 1985. 624 p. (in Russian)

Beznosikova L. M., Aibabina E. A., Kosnyreva R. I. Komi-roch kyvchukör: 31000 kymyn kyv = Komi-russkij slovar': Bolee 31000 slov [Komi-Russian Dictionary: Over 31000 words]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2000. 816 p. (in Komi-Zyryan)

Lytin V. I., Gulyaev E. S. Kratkii etimologicheskii slovar' komi yazyka [Brief etymological dictionary of the Komi language]. Moscow: Nauka Publ., 1970. 386 p. (in Russian)

Miller G. F. Opisanie zhivushchikh v Kazanskoj gubernii yazycheskikh narodov, yako to cheremis, chuvash i votyakov... (reprint izdaniya 1791) [Description of the pagan peoples which live in the Kazan province, like Cheremis, Chuvash and Votyaks... (reprint of the 1791 edition)]. In: G. F. Miller i izuchenie ural'skikh yazykov: materialy kruglogo stola [G. F. Miller and the study of the Uralic languages: materials of the round table]. Hamburg, 2005. Pp. 111–186. (in Russian)

Napol'skikh V. V. Udmurtskie materialy D. G. Messershmida [Udmurt materials by D. G. Messershmida]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2001. 224 p. (in Russian)

Napol'skikh V. V. Ocherki po etnicheskoi istorii [Essays on ethnic history]. Kazan, 2015. 647 p. (in Russian)

Mogilin M. Kratkoj otyackiya Grammatiki opyt = Opyt kratkoj udmurtskoj grammatiki [Experiences of a short Udmurt grammar] / Ed. by L. E. Kirillova, etc. Izhevsk: UIIYAL UrO RAN Publ., 1998. 203 p. (Pamyatniki kul'tury: Lingvisticheskoe nasledie) [Monuments of culture: Linguistic heritage] (in Russian, in Udmurt)

Beznosikova L. M., Zaboeva N. K., Kosnyreva R. I. Russko-komi slovar': Bolee 52000 slov [Russian-Komi Dictionary: Over 52000 words] / Ed. by L. M. Beznosikova / Komi NTs UrO RAN. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo Publ., 2003. 1104 p. (in Russian)

Slovar' dialektov komi yazyka: V 2 t. Bolee 78000 slov. T. 1 (A–O) [*Dictionary of dialects of the Komi language: In 2 volumes. More than 78000 words. Vol. 1 (A–O)*] / Beznosikova L. M., etc.; IYaLI KNTs UrO RAN. Syktyvkar, 2012. 1096 p. (in Russian)

Slovar' dialektov komi yazyka: V 2 t. Bolee 78000 slov. T. 2 (Ö–Ya) [*Dictionary of dialects of the Komi language: In 2 volumes. More than 78000 words. Vol. 2 (Ö–Ya)*] / Beznosikova L. M., etc.; IYaLI KNTs UrO RAN. Syktyvkar, 2012. 888 p. (in Russian)

Sochineniya prinaldezhashchiya k grammatikm votskago yazyka. V Sanktpeterburge pri Imperatorskoj Akademii nauk 1775 goda [*Essays of Grammar of the Votsky Language. In St. Petersburg at the Imperial Academy of Sciences, 1775*]. In: Pervaya nauchnaya grammatika udmurtsogo yazyka [*First Scientific Grammar of the Udmurt Language*]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 1975. 113 p. (in Russian)

Tarakanov I. V. Udmurtsko-tyurkskie yazykovye vzaimosvyazi [*Udmurt-Turkic language relationships*]. Izhevsk, 1993. 170 p. (in Russian)

Tarakanov I. V., Kondrat'eva N. V. Udmurt kyllen istoricheskoy leksikologiezya uzhpumyos [*Issues on the historical lexicology of the Udmurt language*]. Izhkar: Udmurt universitet Publ., 2019. 280 p. (in Udmurt)

Teplyashina T. I. Pamyatniki udmurtskoj pis'mennosti XVIII veka [*Monuments of Udmurt writing of the XVIII century*] / USSR Academy of Sciences. Institute of Linguistic. Moscow, 1965. Issue 1. 324 p. (in Russian)

Uvarov A. N. Udmurt kylyn kalendar'jos syarys' = O kalendaryakh na udmurtskom yazyke [*About calendars in the Udmurt language*]. In: Molot. 1986. No 1. Pp. 62–63. (in Udmurt)

Udmurtsko-russkii slovar' [*Udmurt-Russian Dictionary*] / Ed. by N. A. Druzhkova. Moscow: OGIZ. GIINS Publ., 1948. 447 p. (in Russian)

Udmurtsko-russkij slovar': Ok. 50000 slov [*Udmurt-Russian Dictionary: About 50000 words*] / RAN UrO. Udm. in-t IYAL; Compl. by T. R. Dushenkova, etc., ed. by L. E. Kirillova. Izhevsk, 2008. 925 p. (in Russian)

Khristolyubova L. S. Kalyk syamjosty chaklasa = Udmurtskie narodnyie obychai [*Udmurt folk customs*]. Izhevsk, 1995. 212 p. (in Udmurt)

Tsypanov A. E. Znachenie drevnekomi nazvanii mesyatsev uras'öm 'fevral' i kosmu 'aprel' [*The meaning of the ancient Komi names of the months uras'öm 'February' and kosmu 'April'*]. In: Finno-ugrovedenie [Finno-Ugric Studies]. 2019. No 60. Pp. 50–52. (in Russian)

Churakov V. V. Avtorstvo, datirovka i istoriya rukopisi «Kratkoj Otyatskoj grammatiki opyt» [*The authorship dating and history of the manuscript "Shot Otyak Grammar Experience"*]. In: Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2016. No 3. Pp. 184–196. (in Russian)

Shutova N. I. Dokhristianskie kul'tovye pamyatniki v udmurtskoj religioznoj traditsii: Opyt kompleksnogo issledovaniya [*Pre-Christian Cult Monuments in the Udmurt Religious Tradition: An Experience of Comprehensive Research*]. Izhevsk, 2001. 304 p. (in Russian)

Csucs S. Egy 18. századi votják nyelvmélek [*About one monument of Udmurt writing of the XVIII century*]. In: NyK. 1983. No 2 (85). Pp. 311–320. (in Hungarian)

Miller G. F. Sammlung russischer Geschichte [*Collection of Russian history*]. Vol. III. Saint Petersburg, 1759. (in German)

Munkácsi B. A votják nyelv szótára [*Dictionary of the Udmurt language*]. Budapest, 1896. XV. 758 p. (in Hungarian)

Wichmann Y. Wotjakische Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjo Wihmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen [*Votsky vocabulary. Recorded by Yrjo Wihmann. Edited by T.E. Uotila and Mikko Korhonen. Edited by Mikko Korhonen (= Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXI)*]. Helsinki, 1987. XXIII. 421 p. (in German)

Wiedemann F. J. Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutsches im Anhang und einem deutschen Register [*Syrian-German dictionary together with a Votsky-German in the appendix and a German index*]. Saint Petersburg, 1880. XIV. 692 s. (in German)

**THE NAMES OF MONTHS IN WRITTEN MONUMENTS
OF THE UDMURT LANGUAGE OF THE XVIII CENTURY**

The names of the traditional Udmurt months in the XVIII century were reflected only in one written monument – the handwritten Udmurt-Russian dictionary of Z. Krotov (1785). It contains twelve names for the designation of eleven months: ‘September’ remained without a nomination and for ‘January’ the author gives two names. References to the calendar months of the Udmurts are very fragmentary and sketchy: many scientists and researchers limit themselves only to listing them or give minimal information concerning the issue of their origin. As in most other languages, there are complex names of the months in the Udmurt language; the defining word *tolez* has two meanings – ‘moon’ and ‘month’, which goes back to the pre-Permian layer of the vocabulary. Analysis of the traditional months’ names of the Udmurts, noted in the lexicographical work of Z. Krotov, shows that the motivational signs of their nomination are weather conditions, calendar holidays and customs, as well as the land-based activities of the people.

Keywords: the Udmurt language, written monument, handwritten dictionary, time calculation, names of months, traditional calendar.

Ившин Леонид Михайлович,
старший научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
УдмФИЦ УрО РАН
(Ижевск, Россия)
ivleo.75@mail.ru

Ivshin Leonid Michajlovich,
Senior Research,
Udmurt Institute of History, Language and Literature,
UdmFRC UB RAS
(Izhevsk, Russia)
ivleo.75@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.03.2022

Received 30.03.2022